18+

Борис Скребцов

Смех и слёзы с морской солью

Борис Скребцов

Смех и слёзы с морской солью

«Издательские решения»

Скребцов Б.

Смех и слёзы с морской солью / Б. Скребцов — «Издательские решения»,

В сборник включены добрые, ироничные и порой трогательные рассказы о жизни курсантов, офицеров и их семей: о службе на кораблях, неожиданных поручениях, флотском юморе, бытовых трудностях, семейных заботах, настоящей дружбе и товарищеской взаимовыручке. Это воспоминания об ушедшей эпохе, рассказанные с улыбкой, теплом и той самой морской солью, которая остаётся на память о годах службы.

© Скребцов Б.
© Издательские решения

Содержание

Один день из жизни лейтенанта 6
Караул устал 12
Эх, солёная вода 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Смех и слёзы с морской солью

Борис Скребцов

Посвящается

жёнам военно-морских офицеров, которые делили с нами все тяготы и лишения службы в далёких гарнизонах, занимались воспитанием наших детей, берегли семейный очаг, ждали возвращения своих мужей из морей, оставаясь самыми прекрасными и любимыми женщинами на свете

Корректор Ольга Рыбина

© Борис Скребцов, 2026

ISBN 978-5-0071-7053-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Один день из жизни лейтенанта

Не торопись выполнять приказ,
Ибо может последовать другой,
Отменяющий первый.
Военная мудрость

Многие знают, а некоторые ещё и хорошо помнят, как становилось приятно на душе у молодого офицера, когда ему поручали выполнить ответственное и неординарное задание командования.

Так, в один из летних дней 1988 года инженер ракетно-артиллерийской боевой части (БЧ-2) большого противолодочного корабля «Забавный», лейтенант Ребцов, как всегда, что-то ремонтировал на своём заведовании. Настроение прекрасное, сегодня он в сходной смене, так что ближе к ночи даже могут отпустить на берег к молодой жене.

В Балтийске жара, солнце в зените, Военная гавань утопает в зелени, беззаботно чирикают птички. Со стоящих рядом кораблей доносятся ласкающие слух фразы: «…построиться, шкафут, левый борт», «…баркас к спуску», «… начать малую приборку», «… запорю всех, уроды».

Неожиданно по внутренней трансляции металлическим голосом дежурного по кораблю раздалось: «Инженеру БЧ-2 прибыть к старшему помощнику». В голове у Ребцова сразу же завертелась карусель. Схода на берег сегодня, конечно же, не будет, и, видимо, ещё за что-то накажут. А может быть, залетел единственный подчинённый, матрос-срочник, или придётся срочно заступить в какой-нибудь наряд. Но времени на раздумья нет, быстро схватил блокнот и ручку для конспектирования ценных указаний — и бегом к старпому. Встретившиеся в коридоре офицеры с сожалением проводили взглядом бегущего лейтенанта. Через минуту в каюте старпома Ребцов уже докладывал: «Тащщ капитан-лейтенант, инженер БЧ-2 по вашему приказанию прибыл!»

— Лейтенант, не суетись, — спокойным голосом неторопливо начал беседу старший помощник командира корабля. — Тут, понимаешь, такая приключилась загогулина, — не спеша продолжил старпом.

У Ребцова отлегло от сердца — значит, ругать и наказывать не будут, это уже хорошо. Однако старпом как-то слишком мягко начал разговор, а это не к добру.

— Видел, рядом с нами вчера стоял эсминец Северного флота, который проходит ходовые испытания?

— Так точно.

— Так вот, вчера вечером он вышел в море, а в базу должен вернуться сегодня к 18:00. Уразумел?

Ребцов хлопнул глазами, однако ответить «да» не решился, так как на самом деле из слов старпома ничего не понял. И вообще, какое отношение к нему имеет этот новый эсминец? Ну, стоял он вчера рядом к борту, но мы на него никакого имущества не передавали, и он нам ничего не должен. К тому же на нём ещё находятся представители промышленности, и флоту он не передан.

— Ты готов? — прервал мыслительный процесс лейтенанта старпом.

— Так точно! А что нужно делать?

— Видишь, на стенке стоит «Икарус»? На нём приехали гражданские специалисты из Калининграда. Так вот, этот автобус в твоём распоряжении. Сейчас пулей летишь в Кёниг (прим. авт. — Калининград), в автобате берёшь три КамАЗа с прицепами, после чего дуешь на артбазу, где получаешь деревянные ящики под артиллерийские снаряды и реактивные глу-

бинные бомбы для выгрузки боезапаса с эсминца. Потом приводишь автоколонну в Балтийск и свободен до утра. Понял?

— Так точно! — только теперь Ребцов начал осознавать всю сложность происходящего, но из уст старшего помощника всё звучало логично и убедительно. Чувство гордости и ответственности за порученное дело распирало грудь лейтенанта. Задание весьма серьёзное, а поручили его выполнять именно ему, значит — доверяют и уверены, что справится.

Конечно, будь он немного постарше и поопытнее, то нашёл бы тысячу и одну причину, чтобы уклониться от этой авантюры. Но этим-то и прекрасна лейтенантская молодость, что тебя могут направить на самый трудный участок, а ты сам об этом даже не догадываешься.

Ребцов взглянул на часы, было 12:00. Если делать всё очень быстро, то к назначенному сроку успеть можно.

— Значит так, сейчас делаешь на себя командировочный — и вперёд. Перекусишь потом, когда будет время, — кратко подытожил старпом.

— Есть! — ответил лейтенант.

Дорогой читатель, здесь необходимо сделать небольшое лирическое отступление для тех, кто не служил в ВМФ в советское время. Так, во времена могучего и непобедимого Союза абсолютно всё, что было связано с военными, находилось под тотальным и бдительным контролем, так, по крайней мере, думали наши высокие руководители. Въезды и выезды в закрытые гарнизоны, к которым относился и г. Балтийск, строго охранялись бабушками из вневедомственной охраны (ВОХР). Правда, от такой охраны пользы было мало, но задумываться и об этом, и тем более менять традиции, никто не хотел. Так, любому военнослужащему, от матроса до капитана 1-го ранга включительно, для выезда за пределы закрытого гарнизона необходимо было иметь при себе командировочное удостоверение или отпускной билет, иначе бдительные бабульки-вохрушки высаживали бедолагу из транспорта и начинали долгие нравоучения о происках империалистов и военной тайне, после чего сдавали его в комендатуру. Ну а в комендатуре попавшихся военнослужащих лечили от забывчивости одним лекарством — два часа строевых занятий. Так к военнослужащим возвращалась память.

Примечательно, что любой гражданский житель г. Балтийска, достигший 16 лет (в этом возрасте в СССР выдавали паспорта и ставили прописку), пересекал КПП абсолютно беспрепятственно, наблюдая через автобусное окно, как пожилая вохрушка в клоунской форме песочит очередного попавшегося старлея или капитана 3-го ранга за то, что у того нет при себе отпускного или командировочного. Ещё интереснее было видеть, как не может въехать в гарнизон заплаканная жена молодого офицера, который срочно вышел в море на учения и не успел оформить пропуск для своей супруги. А сколько слёз пролили родители солдат и матросов, приезжавшие к своим чадам со всего необъятного Союза. Конечно, ради справедливости стоит сказать, что не все вохрушки были такими невнимательными и чёрствыми. Некоторые из них за какие-нибудь символические 5—10 рублей от всего сердца помогали родителям встретиться с их сыновьями, приговаривая сочувствующим голосом: «Понимаем вас, мой сын тоже служит». Чуть проще жилось адмиралам, которые пересекали КПП на служебных машинах, даже не притормаживая (номера их машин висели на КПП в рамочке). Ну а самым простым способом пересечь злополучное КПП без хлопот было притвориться спящим или пьяным. Ни к одним, ни к другим никто никогда не приставал.

Молодой лейтенант, получив от старпома ответственное задание, с инициативой взялся за его исполнение. Водитель автобуса нехотя и очень лениво воспринял бодрые слова молодого офицера о том, что ему надо срочно ехать в Калининград. Водила завёл нудный разговор о том, кто, мол, будет ему оплачивать рейс, и вообще, у него сейчас обед, но поняв, что с лейтенанта он ничего не получит, медленно запустил мотор и начал движение из Военной гавани в сторону Калининграда.

Первые проблемы возникли уже на выезде из города Балтийска. Вохрушки заподозрили в ситуации что-то неладное. Действительно, как можно объяснить тот факт, что молодой лейтенант едет в одиночку в совершенно пустом автобусе. Бабушки внимательно изучали командировочное удостоверение, осматривали автобус, куда-то звонили и долго совещались между собой. Наконец, старшая смены с суровым лицом вернула Ребцову документы и, открывая шлагбаум, пробурчала что-то неразборчивое.

Дорога до Калининграда заняла около часа. По пути водитель прихватил шесть-семь пассажиров, с которых состриг немножко денежек (дела житейские). Только при въезде в город молодой офицер и водитель поняли, что оба не знают, где расположен автомобильный батальон. Пара-тройка наводящих вопросов военным водителям, попавшимся на дороге, помогли решить эту несложную задачу.

Дежурный по автобату встретил Ребцова очень сухо. Ну сами подумайте, в батальоне идёт обед, а тут примчался какой-то шальной корабельный лейтенант, чего-то требует и не даёт спокойно отдохнуть. Вообще, в те далёкие времена представители обеспечивающих служб (ГСМщики, вещевики, продовольственники и пр.) в отношениях с корабельным составом чувствовали себя как продавцы в советских магазинах, которым покупатели очень сильно мешали работать. Для того чтобы получить на корабль необходимое имущество, морским офицерам приходилось делать тыловикам всевозможные подарки. Почему-то считалось, что если корабельный офицер пришёл в тыловое подразделение получать что-либо для нужд корабля, то с него обязательно нужно что-то поиметь (как правило, презент вычитался из получаемого имущества).

Дальше — больше, машины для загрузки тары не включены в суточный план, а, как известно, в войсках всё делается исключительно по плану. Опять звонки всевозможным дежурным, согласования, внесение изменений в планы и наконец долгожданное получение автомашин. Теперь другое утыкание. Каким образом один старший поедет сразу на трёх машинах? Нужно вызывать из Балтийска ещё двух мичманов или офицеров. Правдами и неправдами Ребцову всё-таки удалось убедить автомобилистов, что задача ему поставлена архиважная и промедление смерти подобно.

Когда начали выписывать путёвку, выяснилось, что у лейтенанта отсутствует удостоверение старшего машины, а без него, как известно, ехать, а тем более возглавлять автоколонну, никак нельзя. В ход пошли новые уговоры и обещания. Где-то в тумбочке дежурного по автобату нашёлся залитый чаем какой-то старый бланк старшего машины, а у Ребцова за обложкой удостоверения личности завалялась фотография 3х4. Фотографию вклеили в бланк удостоверения, кто-то из старших офицеров части расписался и шлёпнул печать. Проблема решена.

Часа в два по полудни колонна двинулась на артбазу. Конечно же, её там никто не ждал, и вообще, дежурный по базе ничего не слышал о выдаче тары для какого-то эсминца Северного флота. А так как указанная воинская часть — объект режимный, то часик пришлось простоять перед воротами, уточняя задачу по оперативной связи. Застрекотал военный коммутатор: «Василёк» — «Гиря» — «Колодец» — «Нептун»…

— Кому отгружать тару, сколько мест, какой номенклатуры?

— Кто старший?

— Чьё указание?

— Где накладные?

Пока решались организационные вопросы, лейтенант успел познакомиться с начальником учётно-операционного отдела, ответственным за хранилище и дежурным по базе.

Наконец, колонну запустили на территорию части. Гора свалилась с плеч лейтенанта, задача практически выполнена. Конечно, к 18 часам в Балтийск уже не успеть, но к 19 можно постараться.

Для общения с Ребцовым начальник отдела хранения выделил такого же молодого летёху, который в прошлом году окончил Пензенское инженерное артиллерийское училище и ещё не до конца понял, что попал служить на флот.

Подъехали к складу, где хранились заветные пустые ящики (укупорка). Начальник учётно-операционного отдела попросил у лейтенанта Ребцова наряд, накладную и доверенность. Это было тяжёлым ударом для лейтенанта. Конечно, инженер БЧ-2 знал, что такие документы обязательны для получения материальных средств, но ведь старпом сказал, что все всё знают, а Ребцову нужно только срочно доставить пустые ящики в Балтийск. С горем пополам решили и эту проблему. Все необходимые бумаги лейтенант пообещал привезти завтра.

На территории хранилища офицер с артбазы задал Ребцову вопрос, который окончательно поставил корабельного офицера в тупик.

— А какая укупорка тебе нужна?

— Ну, под 130-мм артиллерийские снаряды сто пятьдесят ящиков и ещё сорок ящиков под реактивные глубинные бомбы.

— Да ты толком говори, я этих ваших корабельных штучек не понимаю. Мы в училище химический состав пороха изучали и ещё строевой подготовкой занимались, так что пальцем покажи, какие ящики тебе нужны.

— Слушай, а сколько у тебя видов укупорки под 130-мм снаряды? — ответил Ребцов вопросом на вопрос.

— Четыре или пять, точно не помню, — ответил артбазовский лейтенант.

— Показывай все!

После непродолжительного осмотра деревянной тары выбор остановился на новеньких деревянных ящиках под 130-мм унитарный снаряд (логика была простой, если корабль новый, то и укупорка под снаряды должна быть свежей). Укупорку под глубинные бомбы нашли сразу, так как она была в единственном виде.

«Хорошо, что так быстро решились все технические вопросы», — подумал Ребцов и вскоре понял, что очень сильно ошибался.

— Ну и где твои бойцы, которые будут всё это имущество в машины загружать? — спокойно спросил артбазовский лейтенант.

— Какие бойцы? Мне сказали, что на артбазе всё знают и загрузят что нужно.

На тот момент во временном подчинении Ребцова находилось только три водителя КамАЗов из автобата.

— А может, запросим у командира артбазы разрешение на загрузку ящиков силами военнослужащих базы? — неуверенно спросил корабельный офицер.

— Ну ты даёшь! — рассмеялся представитель артбазы. — Сегодня пятница, командир уже дома, а весь личный состав помылся в бане и сидит в клубе части, ожидая начала кинофильма. Если тебе надо, то иди в клуб и разговаривай с бойцами сам, — таков был добрый совет берегового офицера.

В те времена на береговых базах срочную службу проходил очень интересный контингент военнослужащих. Были тут и дисбатовцы, дослуживающие до ближайшего приказа, и суицидники, и просто списанные с плавсостава матросы. Само по себе зайти молодому офицеру в клуб при отсутствии освещения во время демонстрации кинофильма не сулило ничего хорошего. Душу Ребцова переполняла масса чувств и эмоций, но над ними главенствовало одно — выполнить поставленную задачу, а значит, нужно действовать решительно.

Речь Ребцова со сцены клуба не была пламенной и зажигательной, не содержала призывов к трудовым и ратным подвигам. Его краткое выступление состояло из одной большой человеческой просьбы.

И тут свершилось настоящее чудо. Большинство матросов, которые полчаса назад помылись и переоделись в чистое бельё, тихо матерясь, встали и пошли грузить ящики в машины.

Часа через два все ящики были в КамАЗах и дело, казалось бы, было сделано. Лейтенант Ребцов был счастлив, что все испытания пройдены им успешно и с чувством выполненного долга он возвращается в родной Балтийск. Порванный по время погрузки китель, разбитая в кровь рука — всё это останется в воспоминаниях как мелкие неприятности.

Начинались вечерние сумерки.

— Ребята, огромное вам флотское спасибо! — так попрощался лейтенант с моряками, которые оказали ему неоценимую помощь. Какая тут к чёрту субординация! Какая красивая сцена для голливудского хеппи-энда, но наши истории так не заканчиваются.

Когда загруженная ящиками автоколонна подъехала к КПП, то прежний дежурный офицер сменился, а на дежурство заступил уже другой, который не слышал удивительного рассказа лейтенанта Ребцова о всех его сегодняшних приключениях. Есть такая категория офицеров, которые отличаются от остальных своей рассудительностью. По характеру они спокойны, несколько медлительны и осторожны, но на самом деле это истинные носители житейской и военной мудрости. Новый дежурный по артбазе был именно таким.

— Лейтенант, ты куда так торопишься на ночь глядя? — задал вопрос дежурный по части.

— Товарищ капитан 3-го ранга, я тут ящики для артснарядов у вас получил и мне нужно срочно их доставить в Балтийск, — чётко доложил Ребцов.

— Лейтенант, и ты думаешь, что они кому-то будут нужны ночью?

Мозг лейтенанта отказывался принимать такие крамольные суждения.

— Я получил приказ доставить эти ящики сегодня!

— Хорошо, — медленно протянул дежурный по артбазе. — Вот мы сейчас и уточним обстановку у оперативного дежурного вашей дивизии.

И опять пошёл вызов: «Василёк» — «Гиря» — «Колодец» — «Нептун»…

— Тут лейтенант Ребцов получил укупорку для артснарядов и глубинных бомб, которые нужно срочно доставить в Балтийск. Даёте подтверждение?

До лейтенанта доносились обрывки телефонного разговора: «Принял… Добро… Как не заходит? А что с этим делать? …Понял!» Услышанные фразы насторожили лейтенанта, но о плохом ему думать не хотелось.

Догадки молодого офицера прервал дежурный по артбазе: «Лейтенант, всё хорошо! Экипаж эсминца не выполнил какое-то упражнение, и его решено оставить в море ещё на сутки. Так что сегодня в базу он заходить не будет. Поэтому разворачивай машины на техническую территорию и выгружай все ящики обратно!»

К такому повороту событий лейтенант Ребцов готов не был.

— Как назад? Как разгружай? — не понимал происходящего лейтенант.

— Да, ещё оперативный дежурный дивизии передал, чтобы ты срочно вернул машины в автобат в Калининград. Теперь всё!

К горлу Ребцова подкатил ком, от дикой обиды из глаз брызнули слёзы. Молодой человек был раздавлен вопиющей несправедливостью и бесполезностью всех предпринятых им действий.

— Товарищ капитан 3-го ранга, разрешите, я сам позвоню оперативному дежурному? — тихо попросил Ребцов.

— Валяй, — согласился дежурный по артбазе.

— «Василёк» — «Гиря» — «Колодец» — «Нептун», дайте оперативного дежурного по дивизии, — неуверенно попросил лейтенант.

Из трубки раздался строгий вопрос телефонистки: «А вы кто?»

— Я лейтенант Ребцов, инженер БЧ-2 с «Забавного».

— Среди абонентов телефонного узла такой фамилии нет! Конец связи! — резко прервала разговор телефонистка.

Губы лейтенанта шевелились, но звуков не издавали. Из состояния оцепенения Ребцова вывел мудрый старший товарищ, он же по совместительству дежурный по артбазе.

— Лейтенант, ты побыстрее разворачивай машины и выгружай ящики. Скоро в части отбой, если не успеешь договориться с матросами, то будешь разгружать машины в одиночку!

Как лейтенант дошёл до казармы и что говорил морякам, он уже не помнил. Весь мир уходил из-под ног и проваливался в какую-то бездну. Открытую площадку хранения освещали фары КамАЗов, ящики вылетали из кузовов машин и, хлопая крышками, с грохотом сваливались в огромную кучу. Всё успели выгрузить до отбоя.

На прощание дежурный по артбазе приободрил лейтенанта: «Сынок, не переживай, дальше по службе будут вещи и повеселее».

По пустынной ночной дороге в сторону Калининграда неслась автоколонна из трёх КамАЗов с прицепами. В автобатальоне дежурный офицер с обидой в голосе высказывал Ребцову: «Шатаются тут всякие по ночам», «Все уже давно спят», «Кого мне отправлять открывать боксы», «Как закрывать путёвки», но лейтенанту уже было всё равно.

В начале первого ночи Ребцов добрался до автобусного и железнодорожного вокзалов г. Калининграда. Последний автобус и дизель на Балтийск уже ушли. Ближайший по расписанию дизель пойдёт в 05:12 утра.

Какой-то добрый калининградский таксист предложил доехать до Балтийска за 25 рублей, но таких денег у лейтенанта с собой не было. Пришлось ждать утреннего дизеля, а ночь коротать в зале ожидания на вокзале.

Светало. Начинался новый летний день, а на корабль возвращался уже совсем другой офицер. На утреннюю физзарядку и подъём флага Ребцов, конечно же, опоздал, за что получил фитиль от старпома, но никакой обиды не было, если старпом ругает — значит, всё идёт нормально.

Приключениями молодого офицера за прошедшие сутки никто из командования корабля так и не поинтересовался.

Продолжалась обычная корабельная жизнь.

1988 г.

Караул устал

Расформирование воинской части — занятие очень хлопотное, ответственное и неблагодарное. Для одних это была сплошная нервотрёпка, другие научились извлекать из этого огромную личную выгоду, третьи имели серьёзные проблемы с законом. Но здесь пойдёт речь не о них.

Дивизион катеров в одной из республик Прибалтики фактически расформирован. Всё оставшееся имущество передано в довольствующие органы, а корабли переведены к новым местам базирования. Осталась сущая мелочь — передача территории Военной гавани новым властям. Никто точно не может установить дату приёма-передачи объекта и не хочет брать на себя ответственность, если что-то пойдёт не так. А пойти могло как угодно, потому что таких прецедентов не было и отсутствовали специалисты, которые могли бы грамотно организовать процесс передачи. Представители военно-морских сил одной независимой Прибалтийской республики (которая ещё год назад была Советской Социалистической) каждый день канючат по поводу «оккупации» их исторической территории, но активных насильственных действий всё же не предпринимают. Конфликту около двух месяцев. Наконец-то у нас нашёлся командир, который взял на себя ответственность и разрубил этот гордиев узел.

Принято решение передать территорию Военной гавани представителям военно-морских сил независимой Прибалтийской республики. Сказано — сделано. Согласован день и время передачи. В назначенную дату к воротам Военной гавани подъезжает зелёный УАЗик с тентовым верхом, в котором находится командование ВМС республики. Всё проходит корректно и доброжелательно, но, что и как принимать, никто не знает. Общение происходит в устной форме на русском языке. С нашей стороны дежурный офицер передаёт символический ключ от ворот Военной гавани, представляющий из себя загнутый в форме кочерги металлический стержень (замка на воротах нет уже два месяца). Торжественных речей никто не произносит, оркестра нет и салюта тоже.

Немного растерявшись, но не посчитав такую передачу объекта за оскорбление, новые хозяева с интересом начинают осматривать доставшиеся им причальные сооружения и складские помещения. Гавань действительно большая, но чем её заполнять? Весь флот республики состоит из трёх небольших катеров, которые не планируют базировать в этой гавани. Забор вдоль гавани ещё не полностью растащен местными жителями, но предпосылки к этому имеются. Но рачительный хозяин должен беречь и приумножать своё имущество, в каком бы состоянии оно ни находилось. Оперативно принимается решение — выставить вооружённого часового для охраны этого важного военного объекта.

Через час перед воротами появился военнослужащий национальных вооружённых сил. Молод, статен, одет в зимний французский камуфляж, чешские берцы, немецкий синтетический ремень, разгрузка с немыслимым числом карманчиков, на плече автомат АК румынского производства (с дополнительной ручкой на деревянном цевье), американская малогабаритная рация, НАТОвская каска — ну просто образцово-показательный боец.

На следующий день командир дивизиона, проходя мимо бывшей нашей Военной гавани, с сожалением бросил взгляд на родные заборы, стены и ворота. Стоп! А где часовой?! Почему его нет у ворот?! Неужели провокация?! Кто мог это сделать?!

Холодная испарина выступила на лбу комдива. Это же международный скандал! Одна плохая мысль сменялась ещё более плохой! Докладывать наверх или нет? Формально Военная гавань передана местным военным, теперь мы за неё не отвечаем. Вроде бы никаких происшествий по гарнизону не зафиксировано, но на всякий случай нужно использовать последний шанс. Командование местных ВМС это тоже люди с советским прошлым. Один из них — бывший рыбак, другой ходил на сухогрузе, третий когда-то служил в ВМФ СССР. Моряк должен

понять моряка. Пусть это не по уставу, но переговорить с командованием местных ВМС нужно и дальше действовать по обстановке. Если случилась беда, то действовать нужно сообща.

У штаба командования ВМС (одноэтажное строение, бывшее ранее складом военного имущества) было спокойно, никаких внешних признаков чрезвычайщины не наблюдалось. На парковке перед зданием стоял УАЗик и несколько подержанных иномарок. Внутри помещения тихо. Дежурный по ВМС учтиво поприветствовал российского офицера и проводил к своему начальству. Офицеры ВМС независимой Прибалтийской республики обсуждали какие-то рабочие вопросы, склонившись над топографическими картами. При появлении российского офицера их общение перешло на русский язык. Офицеры поприветствовали друг друга, поинтересовались, как здоровье, как идут дела.

«Видимо, они ещё не в курсе, — мелькнуло в голове у русского офицера. — Как бы помягче начать?»

— Как ваш караул в Военной гавани? — осторожно начал комдив.

Представители ВМС в недоумении переглянулись между собой.

«Понятно, они ещё ничего не знают. Сейчас начнётся…» — с ужасом подумал российский офицер.

Офицеры независимой республики перекинулись несколькими фразами на родном языке, после чего один из них подошёл к телефону и начал куда-то звонить. Общение по телефону происходило абсолютно спокойно (комдив отнёс это к особенностям национального характера). На их лицах ничто не выдавало страха, ужаса и трагедии.

«Вот что значит набирать в армию людей с улицы, — подумал российский офицер. — Они даже не могут осознать, что произошло ЧП международного масштаба».

Тишину прервал старший офицер прибалтийских ВМС.

— Уважаемый коллега, — обратился он к нашему комдиву. — Вчера ночью мы приняли решение снять вооружённый пост с Военной гавани.

После этих слов с плеч комдива упала гора. Слава богу, что все живы-здоровы.

— Коллеги, ответьте, пожалуйста, мне на один вопрос, почему в течение двух месяцев вы донимали нас требованиями о передаче Военной гавани под вашу юрисдикцию, а за одни сутки она вдруг стала вам не интересна?

Ответ был прост и логичен: «В помещении, где находился ваш дежурный офицер, мы хотели сделать караульное помещение, но как выяснилось, там нет электричества, связи, отопления, холодной и горячей воды, туалета и кухни. В таких условиях мы не имеем права поручить нашему военнослужащему несение караульной службы, так как несём за него ответственность. Когда мы оборудуем караульное помещение всем необходимым, тогда снова выставим там пост».

Комдив задумался, ведь всё, о чём говорил офицер Прибалтийских ВМС, соответствовало действительности. Однако в течение последних двух месяцев его мичманы и офицеры несли ежедневное дежурство на этом объекте, и никто из них не жаловался на отсутствие элементарных бытовых условий (тепло, вода, приём пищи, туалет).

По дороге домой комдив пытался сам ответить на свой же вопрос, что главнее: человеческое отношение к военнослужащему или его готовность бесконечно и беспрекословно переносить все тяготы и лишения службы?

На этот вопрос ответа он так и не получил.

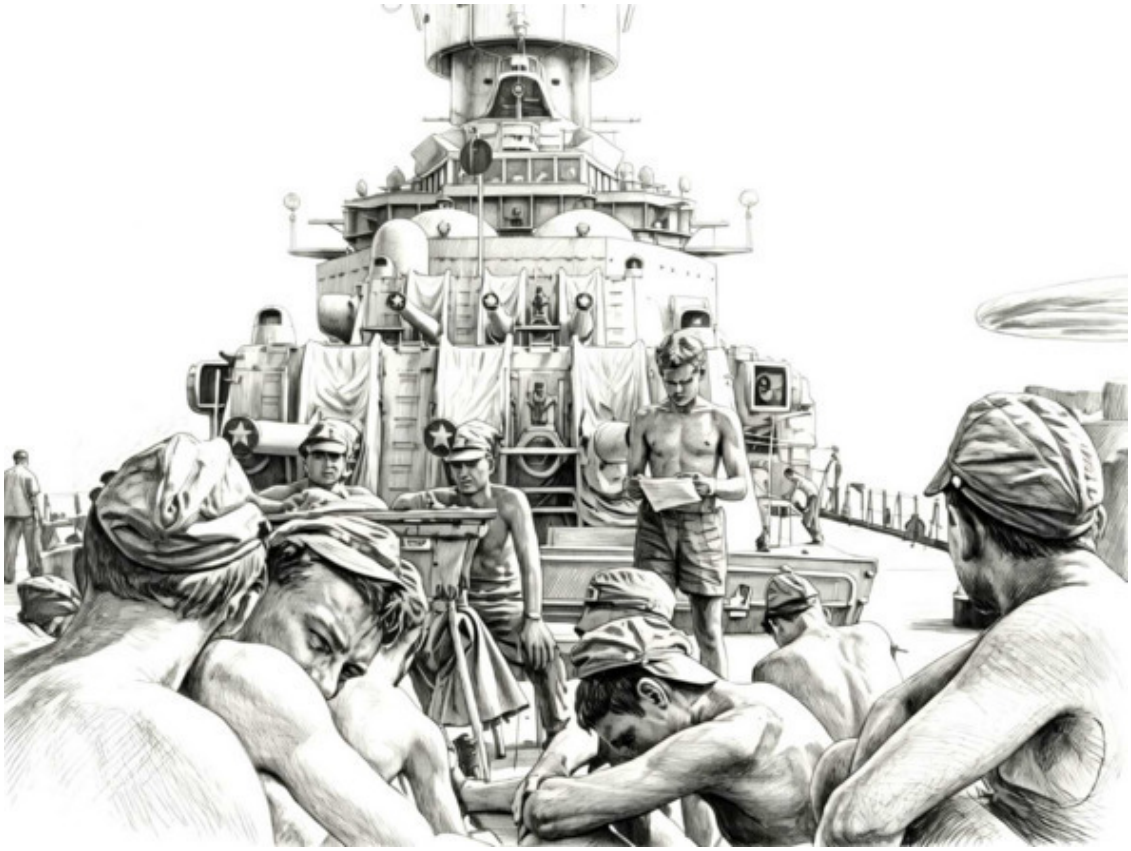
1993 г.

Эх, солёная вода

Средиземное море. Июль. В тени 40—45 градусов жары, хотя… какая тень может быть в открытом море. Крейсер управления «Жданов» уже девятый месяц стоит в точке якорной стоянки в заливе Саллум. На борту: экипаж корабля, штаб оперативной эскадры и первокурсники Черноморского высшего военно-морского училища им. П. С. Нахимова. Курсанты первого курса за полтора месяца должны пройти свою первую морскую крейсерскую практику. От ослепительного солнца и невыносимой жары каждый ищет укромное место. В чреве корабля действительно немного прохладнее, чем на палубе, но духота стоит страшная. Такое устройство, как кондиционер, тогда было нам неведомо, а вентиляция гоняет по кубрикам и каютам горячий забортный воздух. Курсанту достаётся не больше стакана пресной воды в сутки. Про мытьё курсантов в душе вопрос даже не поднимается, таких запасов воды на корабле нет. Опреснители еле-еле обеспечивают технической водой потребности котельной установки. А за бортом голубая, прозрачная вода Средиземного моря, как на картинах Айвазовского.

Всё-таки очень умным инженером был тот кораблестроитель, который спроектировал верхнюю палубу крейсера из тикового дерева. По ней можно ходить, не обжигая ступни. Экипаж корабля детально изучил те места и время суток, где можно укрыться от дневного пекла, когда тень от корабельной надстройки покрывает наибольшую площадь. Курсанты же находятся в творческом поиске, проявляют военно-морскую смекалку и экспериментируют.

Кому-то приходит мысль искупаться в море, в котором вода +26 градусов. Но купание в море — это серьёзное и опасное мероприятие. Руководитель курсантской практики пытается согласовать этот вопрос с командиром крейсера. Ответ нет и ещё раз нет, так как это крайне опасно. Иногда рядом с бортом корабля из воды показывается плавник акулы. Ещё бы им здесь не столоваться, сердобольные моряки подкармливают морскую живность отходами с камбуза.



Но безвыходных ситуаций на флоте не бывает. Решение найдено. На корме крейсера сооружают душевую установку, которую подключают к забортной магистрали. Курсанты уже толпятся в очереди к душу. Но почему-то никто из матросов экипажа корабля не проявляет никакого интереса к этому спасительному действу. Некоторые из них даже советуют курсантам не принимать этих водных процедур. Может быть, от длительной стоянки под солнцем у них совсем расплавились мозги?

Сильная струя забортной воды обдала прохладным дождём первых счастливчиков. Это просто блаженство! Радость неописуемая! Морская вода бодрит и дарит приятные ощущения. В сущности, как не много нужно человеку для полного счастья! Число наблюдателей за процессом растёт, а количество желающих принять водные процедуры уменьшается. Но, как говорится, за всякое удовольствие нужно платить! Те, кто уже успел выйти из-под душа и начал высыхать, стали покрываться заметным белёсым искрящимся налётом. Волосы (и не только на голове) превратились в колтуны, которые невозможно расчесать даже граблями. Курсантам, надевшим после душа тропическую форму одежды, вдруг показалось, что она сшита из наждачной бумаги, причём абразивным слоем она прилегала к телу. Коечка в кубрике превратилась в гвоздистое ложе индийского йога. Делать нечего, нужно срочно искать любую пресную воду. Той нормы, которую курсанты получают утром для умывания, хватало только для чистки зубов. Но у кого-то нашлись матросы-земляки в электромеханической части, которые по-братски выделили пострадавшим по литру опреснённой воды из холод-машины. Кое-как удалось смыть с себя средиземноморскую соль, а вот с волосяным покровом пришлось расстаться. На следующий день среди темнокожих курсантов примерно четверть была похожа своей причёской на героя Гражданской войны — Григория Ивановича Котовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.